

Историческая перспектива образа мира в творчестве Николая Ульянова

Historical prospect of the image of world in Nikolai Ulianov's publications

Резюме: Николай Ульянов, выдающийся русский историк второй волны эмиграции, развивал концепции историко-юридической школы. В романе *Атосса* и статьях историк выдвигает тезис, что этносы Великой русской равнины являются автохтонами, меняя свои названия, культуру, государственно-политические образования. Географическое пространство и этническая мозаика создавали империю. Скифская, готская, гуннская империи образовали Киевское государство. Понятие *государство* не имеет для Ульянова политико-территориального значения. Роман *Атосса* является поэтическим выражением исторических взглядов Ульянова на истоки и суть существования России.

Ключевые слова: Николай Ульянов; русская эмиграция; критика русской историографии; русская историческая проза.

Abstract: Nikolai Ulianov outstanding historian of the Russian emigration elaborated concepts of historical-legal school. in the *Atossa* novel and articles he put the thesis forward, that nations of Large Russian Plain are inhabited by autochthons. They changed only their names, the culture, states and political systems. The geographical space and ethnic mosaic formed empires. Empire Scythians, Goths and Huns preceded the Kiev state. From Ulianov's perspective state doesn't have political and territorial value. The *Atossa* novel is a poetry expression historical views of Ulianov to the genesis and nature of Russia.

Keywords: Nikolai Ulianov; Russian emigration; criticism of Russian historiography; Russian historical prose.

Николай Ульянов принадлежит к довоенному поколению. Прежде чем он стал эмигрантом, прожил в СССР двадцать шесть лет. Его исторические взгляды остаются в оппозиции не только по отношению к тем историкам, которые выросли на либерально-демократической идейной почве. Ульянов схож во взглядах с такими современными русскими историками, как: Игорь Шафаревич, Владимир Большаков, Михаил Назаров, митрополит Иоанн Снычев. Специфической чертой их работ является нонмодернизм, направленный против культурного космополитизма. Новые перспективы для такой методологической постановки открыл Арнольд Тойнби, на которого часто ссылается Ульянов. Тойнби не оценивал историю данного государства согласно модернистским стандартам, но определял перспективы её развития с расчётом на соответствие с заявляемыми им ценностями. Современная историография лишилась элемента тайны, стала заранее обусловленным концептом. Весь научный труд Ульянова свидетельствует о том, что он был оппонентом этого направления.

Бросается в глаза при обозрении русской истории её парадоксальность, непохожесть на историю других стран. Хотя советской историографии

поставлено требование унифицировать ее с западноевропейской историей, но без насилия над фактическим материалом эта задача невыполнима,

— пишет в одной из своих статей Николай Ульянов (Ульянов 1981а: 150). Эта констатация поставлена им во главу угла, когда он критикует русскую историографию, в полемике с историками, в методологических рассуждениях и, прежде всего, в исторических работах. Историк поясняет свою позицию следующими словами:

Похоже, что все теории социального, государственно-политического развития, созданные на основе изучения западноевропейского исторического процесса, неприменимы к истории русской. Россия первая свергла капитализм, но капитализма в ней почти не существовало. В ней не было пролетариата, но произошла пролетарская революция. Европейские социалисты глубоко ее презирали, но именно в ней победил социализм и величайшему русофобу К. Марксу поставлен недавно памятник в Москве. Часть ее населения до сих пор живет в полуразвалившихся избах и мазанках, но она первая завоевала космос. У нее есть Пушкин, Лобачевский, Лев Толстой, Менделеев, Павлов, Глинка, Мусоргский, но она слывет варварской. Существовала в России сильная монархическая власть, но европейский абсолютизм подчеркивал свою отличную от нее природу. (Ульянов 1981а: 151).

Для осмысления взглядов Ульянова на историю России и, особенно, его полемики с преобладающими в России историософскими тенденциями, необходимо привести несколько фактов из его биографии.

Ульянов (1904–1985) был студентом Исторического факультета Петроградского (Петербургского) университета. Методологическую школу он воспринял от Сергея Платонова, семинар которого он посещал в первой половине 1920-ых годов (Базанов 2012). Оттуда и критическое отношение Ульянова к марксизму. Он преподавал историю Москвы XVI в. в Архангельском пединституте и в ЛГУ. В 1936 году он был арестован и приговорен к заключению на Соловках, потом в Норильске за «контрреволюционную деятельность и пропаганду» после публикации статьи *Советский исторический фронт*¹. Из Норильска он был освобожден до войны. В 1943 году он оказался в Германии как остарбайтер, после войны он попал в лагерь для „перемещенных лиц” (т. н. Ди-Пи)². Из Германии Ульянов выехал в Касабланку, где работал сварщиком на заводе Шварц Омон. Благодаря публикациям в «Новом Журнале» в 1953 г. Ульянов переезжает в Монреаль по приглашению профессора

¹ Впоследствии некоторые биографические сведения о советском прошлом ученого послужили поводом к несправедливым упрекам в его адрес. Только в наши дни исследователи постепенно вводят в научный оборот материалы, подтверждающие правоту Н. И. Ульянова. См. (Крыжицкий 1986: 59).

² „Перемещенные лица” (по терминологии Лиги Наций - Ди-Пи, Displaced Persons). Так назывались миллионы людей на громадном европейском пространстве в годы Второй мировой войны. В русскую литературу термин Ди-Пи впервые попал благодаря писателю-диплогу Борису Ширяеву. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/376063.html> (дата обращения: 29.09.2015). Г. В. Вернадский записал в своем дневнике: «Рассказывали м. пр. о насилиях и депортации в Украинских лагерях в Германии. Особенно ужасны бендеровцы» (Вернадский 1998: 431).

Гарвардского университета Михаила Карповича, где начинает работу над украинской исторической тематикой XVI–XVII вв. и читает лекции в Монреальском университете. Проблематику украинского сепаратизма разрабатывает под влиянием Николая Лосского. С 1956 по 1973 год Н. Ульянов работает профессором Йельского университета. В 1953 году по приглашению Американского комитета по борьбе с большевизмом Н. Ульянов стал первым главным редактором русской программы радиостанции „Освобождение” (ныне „Свобода”) в Мюнхене. Сразу появились разногласия: куратор ЦРУ М. Вильямс настаивал на том, чтобы антисоветскую пропаганду сменить антирусской. Ульянов попросил об отставке. В Нью-Хейвене Ульянов сблизился с известным евразийцем — Г. Вернадским. Результатом знакомства явился спор Ульянова с идеологией евразийства.

Я сам не оскорблен и для России не считаю оскорблением рассуждение о нашем тиранстве?? и монголизме. Если бы таковые были, ничего бы в них не усматривал удивительного. Но разговоры эти мне представляются вздорными и ненаучными. Расовый метод изучения исторических особенностей той или иной страны неубедителен для меня...

— пишет Ульянов Никитину (Письмо Н. И. Ульянова).

Николай Ульянов был талантливым писателем беллетристом. Опубликовал сборники эссе *Диптих* (1967), *Свисток* (1972), сборник статей о России и русском изгнаничестве *Спуск флага* (1979) и *Скрипты* (1981), сборник рассказов *Под каменным небом* (1970). Его исторические знания и убеждения нашли свое выражение в исторических романах *Атосса* (1952) и *Сириус* (1977).

Исторические работы Ульянова затрагивают следующие аспекты истории России:

1. Вопросы методологии изучения истории России;
2. Взаимоотношение историографии, историософии и культуры;
3. Этногенетические вопросы;
4. Критическая оценка русского исторического романа.

Особое место в историографической методологии Ульянова занимает человек. Этот аспект отличает его подход от историков-марксистов:

Объектом исторического изучения является человек — существо, резко отличающееся от предметов мертвой и всех видов живой материи. Наличие ума, воли, желаний, побуждений этического, религиозного, культурного порядка делают это явление не подводимым ни под какие «закономерности»...

— это главный методологический постулат Ульянова (Письмо Н. И. Ульянова 1956-57).

Особой проблемой, по его мнению, является вытеснение российской историографии т. н. интуитивным постижением:

Большую популярность приобрели так называемые «вольные философы» типа Бердяева, Федотова, Степуна, отказавшиеся от изучения истории и заменившие его интуитивным постижением. Устанавливали они генетическую связь между «Москвой Третьим Римом» и «Третьим Интернационалом», давшую им право объявить Россию извечным носителем идеи коммунизма и мирового господства” (Письмо Н. И. Ульянова 1956-57).

Основоположником этой традиции, по мнению Ульянова, является Петр Чаадаев. Историк называет его самозванцем в истории русской мысли (Ульянов 1967), ревизором русской истории. Ульянов отказывает Чаадаеву в оригинальности, он копирует: Жозефа де Местра, Бональда, Балланша, Ламетри и Иоганна Юнга-Штиллинга.

Петрашевский, Белинский, Герцен, Огарев и другие русские интеллигенты, по мнению Ульянова, занимались затмением образа русской истории, выдавая себя одновременно за пророков. Они давали ложные диагнозы, которые якобы вытекали из закономерностей русской истории. Все это Ульянов называл утопическими грезами (Ульянов 1967).

Две статьи Ульянова: *Ignorantia est* и *Басманный философ* в сущности предваряют дискуссию на тему глобализации, ее идеологии и практики.

Ульянов утверждает также, что ошибаются те, кто в России старается подражать Европе. Европейские дороги государственно-политического и социального развития тесно связаны с историей Западной Европы и неприменимы к русской истории.

Более 400 лет тому назад возникла идея недопущения России к благам цивилизации. Хорошо известно дело Ганса Шлитте, завербовавшего в 1547 г., по поручению Ивана Грозного, свыше 120 специалистов на русскую службу — врачей, инженеров, художников, каковые не были пропущены в Россию, а сам Шлитте посажен в любекскую тюрьму. Известно также письмо польского короля Елизавете английской, упрекавшее королеву за позволение своим подданным торговать с москвитом — врагом всей Европы. В письме выражалась боязнь, что если к своей природной силе он приложит знание и технику, он станет непобедимым (Ульянов 1981а: 150).

Очернительство Руси перед Европой в средневековье вызвало, по мнению Ульянова, страх перед нею. По этой причине она с трудом приобщалась к цивилизации. Отношения России и Запада были всегда несимметричны. На этот факт повлияло положение России между Востоком и Западом:

Восток много грабил, убивал, облагал данью, уводил в плен, но делал это по корыстным, хищническим побуждениям. Яда ненависти в нем не было. Фатальнее всех катастроф, набегов и разрушений — тысячелетняя вражда Запада. Она едва ли не унаследована от Рима, рассматривавшего все не включенное в границы империи, как враждебное римскому миру. В V

веке Галлию наводнили франки и бургунды, ничуть не менее дикие, чем скифы, но с ними сравнительно быстро примирились. Тот же Сидоний морщился, делал брезгливую мину, подсмеивался над их варварством, но не отзывался так беспощадно, как о жителях нашей страны, которых он в глаза не видал. Из его восклицаний о «затверделых сердцах этих зверских и суровых народов», об их «ледяных нервах», о «безумных вспышках их зверского и дикого невежества» можно заключить о существовании на заре средневековья пугающей легенды относительно востока Европы (Ульянов 1981: 150 А).

Ульянов, стараясь объяснить специфику Российской империи, обращается к ее истокам. Ранняя история этого геополитического организма доказывает, что полиэтническое создание меняло власть, строй, культуру, но само оставалось геополитически единым. Ульянов ссылается на работы т. н. историко-юридической школы. Ее ранними представителями были: Борис Чичерин, Константин Кавелин. Сергей Соловьев. Они были убеждены в самобытности русской истории и старались это доказать. Чичерин наряду с Соловьёвым и Кавелиным обосновывал решающую роль государства в русской истории. Кавелин критиковал русскую историографию за неоригинальность: „Множество «взглядов на русскую историю» брошено, множество «теорий русской истории» построено... На древнюю русскую историю смотрели с точки зрения истории всех возможных восточных и западных, северных и южных народов, и никто её не понял, потому что она в самом деле не похожа ни на какую другую историю” (Кавелин 2010 : 251). Убедительны для Ульянова были также взгляды более поздних представителей этой школы — Сергея Соловьева, который утверждал, что в жизнь народа вводилась сверхъестественная сила, действовавшая по своему произволу (Соловьев 2015). Второй представитель — Александр Градовский подчеркивал древнее существование государственности на этой территории, что обусловило призвание Рюриковичей (Плященко 2015).

Во многих других аспектах взгляды Ульянова на историю России и вышеупомянутых ученых различаются.

Личность Ульянова интересна тем, что его исторические, публицистические и беллетристические труды в своей жанровой разновидности дополняют друг друга. Особенно заслуживает внимания выражение исторических убеждений на страницах исторического романа. Свои взгляды на тему этого жанра Ульянов высказал в статье *Об историческом романе*. Включается она в дискуссию на тему кризиса современного искусства. Современный роман потерял черты эпоса и потому потерял интерес к истории — замечает писатель: „Историческое чувство существует с незапамятной древности, только в ранние времена его трудно бывает отделить от легенды и мифа. О XIX веке, напротив, можно сказать, что это чувство у него притупилося, несмотря на блестящее развитие исторической науки” (Ульянов 1981б: 45). Историческая тематика обуславливает жанровые качества: „Исторический материал, лежащий в основе повествования, можно уподобить радиоактивной урановой руде. Он сам по себе обладает эстетическими свойствами” (Ульянов 1981б: 45). Суть понимания значения прошлого для современных, а также причину, для которой Ульянов чувствовал

потребность в дополнении своих исторических научных работ исторической беллетристикой, находим в следующих его рассуждениях: „В истории нет будней. Будни прошлого – праздник для нас. (...) Таким же волшебством наделен всякий предмет, дошедший до нас от далекого прошлого” (Ульянов 1981б: 47). В прошлом заложены начала современного, в них скрывается *логос* — правда мира.

Примером попытки раскрыть тайны этой правды при помощи образа далеких исторических событий является исторический роман Ульянова *Атосса*, в котором на широкий эпический простор возносит он архетип России — деяния древних скифов³. Поход персидского царя Дария в Скифию в конце шестого века до Рождества Христова является метафорой попыток захвата России Карлом XII, Наполеоном и Гитлером. Тактика заманить врагов вглубь незнакомой степи, придуманная скифским королем Скопасисом, напоминала тактику Петра I и Кутузова, и повторилась во время Отечественной войны. Ульянов сопоставляет три цивилизационных начала: воинственно-имперское персов, рациональное — греков и пространственно-стихийное — скифов. Милетиец — Никодимос (гр. победитель народов) усматривает в скифах единственную надежду на спасение эллинов от персов:

Наша отчизна погибнет из-за безукоризненно правильного умения мыслить. Это те же скифы. Они многочисленны, как степная трава” (Ульянов 1952: 14)⁴. Дарий охарактеризован как одержимый безумной идеей: „Он хотел их вести против неизвестного народа, места обитания которого никто не знал. Милетский тиран Гистиэй (предупреждал): Ты идешь, царь, в страну, о которой мир до сих пор ничего не знает. Известно лишь, что она необъятна, как море, и такая же пустынная” (с. 19).

Для Никодима — питомца греческой культуры, который привык мыслить используя категории пространства эти же обстоятельства являются источником надежды на победу над персами. Могущество воинской силы Дария автор противопоставляет таинственному пространству, в котором скрывается загадка Вселенной — предел земли. Кто постигнет эту тайну, станет богом. „Там начинается непроглядный мрак, в сгустках которого зарождаются звери и чудовища. Раз в несколько столетий оттуда выходят многочисленные народы, потрясающие вселенную” (с. 59).

Скифская степь изображена Ульяновым как необозримый храм, предназначенный для великих действий: „Ничто мелкое и пошлое не может произойти на такой земле. Блаженно всё живущее в этой обители пространства, оно ближе стоит к тайнам мироздания, чем мы» (с. 50), — вещает Никодим. Величественность воинов Дария на тысячах лошадей, слонов, верблюдов, красовавшаяся на Босфоре, стала карликовой в пышных травах степи: „Кони и люди становились маленькими, а слоны выглядели навозными жуками. Степь травой и просторами пожирала величие его воинства” (с. 56).

³ Идея романа возникла в годы Второй мировой войны.

⁴ Далее цитирую по этому изданию, страницы указаны в скобках в тексте.

Никодим в степи начинает испытывать мистические чувства:

Никодиму казалось, что он умер и теперь вновь родился в неизвестном мире. Эллада, Милет, даже недавняя Ольвия вспоминались, как отголоски той первой жизни. Степь расстилалась пустынная, немая, но полная скрытых сил и неуловимого звучания. Всё великое в природе одарено звучанием (с. 59). (...) Никодиму на миг открывалась душа чужого мира. Он был без небес, без земли, без солнца, он состоял из полумрака и в нем звучала широкая бескрайняя песня, хватавшая за душу (с. 65).

Военный гений Скопасиса согласован с истиной степи. Непонимаемый никем, он поступает согласно этой истине: „Там, где он проходил, чернела широкая полоса в сотни стадий, лишенная всего живого” (с. 92). „Мы погибли! — говорили воины. — Нас завели в замороженное царство” (с. 97). „Дарий впадал в обольстительные грезы — видел странные существа, белые города, храмы” (с. 98).

Степь является правомерным простором-миропорядком, она лишена обманчивых признаков цивилизации. Она наделена свойствами изначально-бытийственными, отражает первобытные ценности, она всех метафизически испытывает. Герои романа исторические лица, а также степная природа. Никодим воспитан в духе греческой космической пайдеи⁵, человеческого смирения перед природой. Он единственный может осмыслить роль, какую предстоит сыграть скифам в истории. Скифы настолько отдаленные от цивилизации и древних культур, что не в состоянии понять политические намерения персов. Они связаны первобытными узами с природой, обитаемым пространством и подчиняются им почти безропотно. Связь с природой потеряли только, как более цивилизованные, земледельческие племена.

Ульянов изображает пространство согласно греческой традиции. Образ сливается с действием, его глубинным смыслом и приобретает иконическую форму. Автор описывает историческое пространство как икону. Сочетает истину события с эстетикой образа. С другой стороны, картина, вытканная разноцветным узором бытовых сцен, характерных для эпохи, напоминает персидский ковер. Благодаря мастерству писателя узор понятен и приятен современному читателю и, одновременно, исторически реален. Язык насыщен историзмами. Исторические мотивы переплетаются с образами природы. Царит в них богатство трав и цветов, насекомых, птиц и животных, сопутствуют им запахи, краски, луна, звезды и солнце. Динамичность, внушительность и впечатлительность, достигнута благодаря эстетическим приемам характерным для романтической поэмы или сонета. Близка аналогия с сонетами Адама Мицкевича *Акерманские степи*. Многие фрагменты романа можно определить как поэтическую прозу, а жанр всего романа назвать исторической поэмой. Во многом он напоминает эпос с такими его чертами, как: метафизический образ событий, персоналистское изображение героев, конфликт мировоззрений,

⁵ Пайдея – гр. система образования в древнегреческой культуре. Ее цель – ознакомление с истиной Космоса, элементом которого является человек.

символическая роль персонифицированной природы. *Атосса* является историческим эпосом гомерического типа. В купели событий, в космическом пространстве герои выполняют цель своего существования либо, в противостоянии ему, погибают.

Эстетику исторического романа Ульянов противопоставлял научной методологической манере современной историографии. В статье *Об историческом романе* он старается доказать, что включение истории в разряд научных дисциплин, применение методологии естественных наук к гуманитарным наукам, царствование реалистической прозы в литературе, все это, по его мнению, противоречит сути исторического романа: „Исторический материал, лежащий в основе повествования (...) сам по себе обладает эстетическими свойствами. Перед историей вежливо раскланялись, но слов для нее не нашли. Прежде чем стать наукой, история была поэзией” (Ульянов 1981б: 59).

В работе *Спуск Флага* Ульянов доказывает, что современная историческая наука в отношении предыстории русских земель не сумела правильно объяснить смену государственных образований, аргументируя ее переселением народов. Исследователь защищает гипотезу, что народы Великой русской равнины являются автохтонами. Кроме, упомянутых выше, ученых „историко-юридической школы”, на которых ссылается Ульянов, эту точку зрения разделяет также польский историк Генрих Пашкевич (Paszkiwicz 1998). Как Ульянов, так и Пашкевич цитируют фразу краковского епископа Матвея из его письма к Бернарду Клервосскому от 1153 года: „Рутения велика, как бы другой мир земной, а народ русский по несчетному количеству подобен созвездиям”. Москва росла не как великорусское, но как многонародное государство. „России чисто русской никогда не существовало”, — замечает Ульянов (Ульянов 1979 : 69; Paszkiwicz 1998 : 233).

Уже тогда, в 1979 году, Ульянов писал, что многонациональность на Западе считается чем-то вроде „утопии”, существующей вопреки историческим законам. Все империи распались: Британская, Австрийская, Турецкая, „...а русская «утопия» — значительно старше их по возрасту — стоит” (Ульянов 1979: 69). Потому слышны призывы к ее расчленению. Историк доказывает также, что небольшие нации, входившие в состав Российской империи, преследовали имперские амбиции. Ссылаясь на источники, приводит пример проекта панфинской державы от Ботнического залива до Тихого океана и от Белого моря до Черного; „Великой Эстонии” до Китайской стены и заговор Султан-Галиева с казанскими татарами, целью которого было возрождение державы в границах Золотой Орды. То же самое касалось проектов „Казакии” и „Незалежной Украины” от Карпат до Каспия, от Волги за Урал. „Доминировал не этнографический, а геополитический принцип”, — констатирует Ульянов (Ульянов 1979 : 69).

Проблема полиэтничности России является центральным вопросом в исследованиях Ульянова. Ему посвящает он наиболее известную работу — *Происхождение украинского сепаратизма* и ряд статей.

Политическая игра национальным вопросом, по мнению Ульянова, может оказаться роковой. Попытка расчленения россиян может сделать их непримиримыми из-за простого чувства самосохранения, — пишет он в 1979 г., — если половина окажется вдруг за границей. „Можно ли, например, представить себе, чтобы русский

язык, русская печать и русские школы были допущены в будущей «незалежной Украине» независимо от того, будет ли она бандеровская или григорьевская? Наш народ поэтому вынужден грудью встать на защиту собственного существования” (Ульянов 1979 : 69). Опыт Ульянова, как русского эмигранта и внимательного наблюдателя мировой политики, проявился в убеждении, что Запад при помощи антикоммунистической идеологии стремится не к свержению большевизма, а к расчленению России.

Итоги

Позиция Ульянова, выраженная в его романе, журнальных статьях и научных трудах, устойчива. Он старается доказать, что Россия это особое пространство, единство которого зависит не от типа правления или государственного устройства, но от специфики природно-географической среды, живущих в ней людей и цивилизации, создаваемой ими в этих условиях. Роман *Атосса* является поэтическим выражением исторических взглядов Ульянова на истоки и суть существования России. В их основе лежат достижения современной археологии, палеоэтнографии и лингвистики. Эти науки доказывают, что: „Не экономика и классы создавали государство, сколько государство создавало и поныне создает нужную ему экономику и классы” (Ульянов : 2001). В своем романе и статьях историк выдвигает тезис, что этносы Великой русской равнины являются автохтонными, меняя свои названия, культуру, государственно-политические образования. Географическое пространство и этническая мозаика создавали империю, власть была внешним стимулом развития. С дохристианских времен на этой территории образовались только крупные государства. Ульянов, ссылаясь на четвертую книгу Геродота, перечисляет: скифов, сарматов, готов, гуннов — хозяев упомянутой территории. В их государственных образованиях усматривает прошлое Российской империи. „Начальная русская летопись, в согласии с Геродотом, называет сидевших «по Днепру до моря» уличей и тиверцев — скифами («Великая Скуфь»). «И суть грады их и до сегодне». Имея своей южной границей берега Черного и Азовского морей, «Великая Скифия» терялась в лесах Севера”⁶. (Ульянов : 2001). На рубеже IX и X веков варяги присоединяют хазарские владения и тогда земли, входившие некогда в скифскую, готскую, гуннскую империи, образуют Киевское государство. „Родилась и формировалась наша страна под знаком не национальным, а государственным. В этом ее отличительный признак. Уже во II — IV веках нашей эры, в период готского владычества, видим ясно выраженное государство, охватывавшее пространство не только от Дуная до Волги, не только Крым, но и земли русского Севера до олонецких и беломорских дебрей” (Ульянов: 2001).

Понятие *государство* не имеет для Ульянова политико-территориального значения. Ни готы не распространяли на скифо-сарматскую державу своей

⁶ „В.А.Городцов вскрыл скифские корни древнего русского искусства. В лице того же В.А.Городцова, Л. Диннеса, Н. Кондакова, А. Бобринского, А. Рыбакова археология установила генетическую связь древних славянских культов со скифскими верованиями” (Ульянов 1979 : 63).

государственной системы, не делали этого также варяги, ни татаро-монголы. Они вошли в готовую систему и стали ее движущей и преобразовательной силой. К этой мысли Ульянова следует добавить еще один немаловажный элемент: такой ведущей преобразовательной силой для варяжской Руси было влияние Византии. Византия создала мощный пространственный союз, не имеющий ничего общего с государственными границами. Хотя Ульянов не уделяет внимания этой проблеме, то участие Византии в истории „скифо-русского” пространства подтверждает описанную им закономерность. Эсхатологическое начало, какое в Римскую империю внесла Византия со времен Константина, было основано, прежде всего, на идее христианской парусии. Но обитатели восточного эллинизированного Рима укоренили ее в пространстве завоеванном Александром Великим. Оно было культурно подготовлено к пришествию Христа. Византийская историография (Георгий Амартол, Иоанн Малала) подчеркивала генетическую связь между Империей Александра и христианской византийской Империей, собравшей в одно уже Александром культурно подготовленное, но теперь ставившее перед собой эсхатологическую цель, пространство. Ульянов не упоминает о роли мессианства в русской культуре, однако трудно не заметить аналогию, в общих чертах, между историческим значением, какое он и византийская историография придают пространству.

Литература:

- Базанов П.Н., 2012, *Историк Н. И. Ульянов*, „Новый Журнал” 2012/ № 269, URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2012/269/b20.html> 2015, (дата обращения: 29.09.2015)
- Вернадский Г.В., 1998, *Русская историография*. Москва.
- Кавелин К., 2010, *Русский национальный интерес*, Москва.
- Крыжицкий С.П., 1996, *И. Ульянов*, в: *Отклики*, Нью Хейвен 1986, 59 с.
- От редакции*, в: Ульянов Н.И., *Атосса*. URL: <http://fanread.ru/book/6556597/?page=1> (дата обращения: 29.09.2015).
- Письмо Н. И. Ульянова В. П. Никитину от 16 сентября 1956 г.*, в: BAR V.P. Nicitin Papers. Vol.1. Files: *Переписка Н.И. Ульянова с В.П. Никитиным*, Нью-Йорк, 1956–1957 гг. 1 л. об.
- Плященко Т.Е., 2015, *Политические и исторические взгляды А.Д. Градовского, Диссертации по гуманитарным наукам*, <http://cheloveknauka.com/politicheskie-i-istoricheskie-vzglyady-a-d-gradovskogo#ixzz417ZxvTMs>, (дата обращения: 29.09.2015).
- Соловьёв С.М., 2015, *О Петре Великом*, <http://www.bibliotekar.ru/solovyev/1.htm>, (дата обращения: 29.09.2015)
- Ульянов Н.И. 1952, *Атосса*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова. URL: <http://www.twirpx.com/file/1219762/> (дата обращения: 29.09.2015)
- Ульянов Н.И., 1967а, *Басманный философ (Мысли о Чаадаеве)* в: *Диптих*, Нью-Йорк, URL: <http://oboguev.narod.ru/images/niubas.htm>, (дата обращения: 29.09.2015).
- Ульянов Н.И., 1967б, *Ignorantia est*, в: *Диптих*, Нью-Йорк. URL: <http://oboguev.narod.ru/images/niubas.htm>, (дата обращения: 29.09.2015).

- Ульянов Н., 2000, *История и утопия*, «Московский журнал» от 01.01.2000, <http://rusk.ru/st.php?idar=800252>, (дата обращения: 29.09.2015).
- Ульянов Н.И., 1981а, *Исторический опыт России*; в: *Скрипты*, Ann Arbor, Michigan: Эрмитаж, http://www.belousenko.com/books/ulyanov_n/ulyanov_skrity.htm, (дата обращения: 29.09.2015)
- Ульянов Н.И., 1981б, *Об историческом романе*, в: *Скрипты*, Ann Arbor, Michigan: Эрмитаж, URL: http://www.belousenko.com/books/ulyanov_n/ulyanov_skrity.htm, (дата обращения: 29.09.2015)
- Ульянов Н.И., 1979, *История и утопия*, в: *Спуск флага*, New York, http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/ulyanov_spusk_flaga_1979_text.pdf дост. 21.06.2014 (дата обращения: 29.09.2015)
- Paszkiwicz H., 1998, *Powstanie narodu ruskiego*. Kraków: Wyd. Polska Akademia Umiejętności.
- Queneta Ch., 1931, *Tchaadaev et les lettres philosophiques*. Paris.